

Ирина Цветкова

Долгие поиски счастья

Часть 1

В ту зиму крестьянин деревни Полянка Вышковской волости Двинского уезда Витебской губернии Фёдор Прохоров, надорвавшись от тяжкого деревенского труда, сразу после морозных крещенских праздников занемог, слёг и уже не встал. Был он местным силачом, гнул подковы, на сельских праздниках на каждой руке поднимал по три человека, а вот случилась хворь — и никакая силушка деревенская не помогла. Промаялся в горячке три дня и три ночи и отошёл.

Оставил он после себя большую семью: безутешную вдову и девятерых детишек — мал мала меньше. Старшей из детей, Варваре, ещё и семнадцати не исполнилось. Судили-рядили, а так и так выходило — надо Варваре на заработки в город подаваться. Иначе не прожить большой семье без главного кормильца.

Стала Варвара готовиться в путь-дорогу. Мать собрала ей узелок с пожитками да с нехитрой снедью, чтоб на первое время не умереть с голоду.

А тут младший братец, Филипп, вдруг да и заупрямился:

— Пойду, — говорит, — и я с сестрой, тоже буду зарабатывать на семью.

А самому четырнадцатый годок шёл. Поразмыслила мать и стала и ему узелок собирать.

В избе собрались соседские кумушки, материны подружки. Стали они отговаривать её, чтоб не пускала Филиппка в город.

— Мал он ещё для города, для денег. А тебе помощь в самый раз от него будет, он у тебя теперь за старшего. Ты же с самыми маленькими остаёшься, кто тебе опорой станет?

— Пусть идут вдвоём, — мудро рассудила мать. — Всё лучше, чем Варварушке одной в чужом-то городе быть. Они — брат с сестрой, они и поддержат друг друга, и помогут, и защитят. Он всё-таки мужчина, будет ей опорой в чужом-то краю.

На том и порешили. Взяли Варвара и Филипп каждый по котомке и направились в чуждый неведомый им город.

Они ходили по улицам Двинска¹, самого большого города Витебской губернии, и не знали, как спросить работу и как и кому предложить себя в качестве работников. Вокруг бурлила жизнь:

¹ Двинск — ныне Даугавпилс, Латвия.

демонстрируя удаль молодецкую, ездили извозчики; торговцы наперебой предлагали ватрушки и бублики; дворники важно и деловито, покачивая бородами, мели мостовую и успевали следить за порядком на вверенной им территории. Дамы с кавалерами прогуливались по улицам, заходили в лавки и кондитерские; гимназисты с начищенными бляхами на ремнях весёлыми ватагами шумно проходили мимо; скромные барышни конфузливо поглядывали на них.

Все куда-то шли, у каждого было занятие, у всякого где-то был дом. Люди шли непрерывным потоком, зная, куда и зачем они идут. А Варя и Филипп бестолково бродили по улицам. Они совестились приставать к прохожим с вопросами о работе, а их никто не спрашивал, зачем они здесь и не нужна ли им работа. Переглядываясь, брат и сестра Прохоровы понимали, что здесь, в городе, надо как-то уметь себя вести, а они пока не знали этого секрета, и оттого им предстояла невесёлая перспектива.

Они зашли в собор Александра Невского, находящийся на центральной площади города. От всей души помолились, попросили помощи у Николая Угодника, поставив ему свечку, и пошли далее по своим делам. На улице они снова окунулись в толпу людей и бесплодные поиски работы.

Уже и сумерки наступали, как вдруг кто-то рядом окликнул их:

— Эй, молодёжь! Вы чего тут крутитесь?

— Работу приехали искать, — кротко ответила Варя, — а пока её не можем найти. И уже ночь надвигается, а нам идти ночевать некуда.

— Эка, фантазёры! Да кто ж так заработок-то ищет? Кто ж знает, что вы работу ищете? Надо же давать знать кругом, что вы хотите работать, а не ходить по улицам, как глухонемые.

И тут неожиданный собеседник обрадовал их.

— Повезло вам, ребята, — сказал он. — Ко мне в лавку только что заходил один господин, он срочно ищет для барышни служанку. Справлялся, не знаю ли я порядочной девицы, чтоб прислуживала его барышне. Если вам это подходит, то мы можем догнать его, показаться ему, он по другим лавкам пошёл.

Он промолчал только о том, что господин обещался хорошо заплатить, коли помогут ему найти подходящую девицу. Поэтому лавочник, не теряя времени, ринулся на поиски пригодной для этой цели девушки.

Варя с радостью закивала головой. Она уже была согласна на всё. Они торопливо пошли за своим новым знакомцем. Тот быстрым шагом шёл вперёд, стараясь увидеть в толпе нужного человека. Наконец, в конце бульвара они догнали богато

одетого гражданина с тросточкой и в цилиндре.

— Вот, господин хороший, нашёл я вам девицу, как вы и просили — деревенская, не испорчена городскими нравами и капризами, — сообщил их спутник.

Человек в цилиндре осмотрел Варю с головы до ног. Он увидел перед собой крепко сложенную девушку с крупными руками, привыкшими к тяжёлой физической работе. У неё был открытый лоб и зачесанные назад волосы, а коса, длинная и толстая, опускалась ниже пояса. Её круглое лицо с ямочками на щеках застыло в несмелой выжидательной улыбке.

— А что ты делать умеешь? — спросил он.

— Я, барин, всё умею: косить, скирдовать, корову доить...

— Стоп, стоп, стоп, — остановил тот её. — Это всё не нужно. Ты скажи: за барышней ходить сможешь?

— Да нешто она у вас убогая? — искренне удивилась Варя.

— Типун тебе на язык, девка! Ответь: барышню одеть-раздеть сумеешь?

— Да, да, конечно, — торопливо закивала головой Варя.

— Причесать барышню сможешь? Волосы красиво уложить? Со шпильками совладаешь? С лентами и бантами управишься? Чулки подать

умеешь? — засыпал он вопросами бедную девушку. Та только кивала в ответ, не будучи вполне уверенной, что действительно справится с этим.

— Ну, пожалуй, подойдёт, — задумчиво сказал работодатель. — А это кто с ней? — спросил он, ткнув тросточкой в сторону Филиппа.

— Братец это мой младшенький, Филиппок, — быстро заговорила Варя, боясь, что его не возьмут с ней.

— А вот братец нам, пожалуй, не нужен.

Он сунул в руку лавочника какую-то деньгу, и на том они разошлись. Оставшись с братом и сестрой Прохоровыми, он твёрдо сказал:

— Беру только девицу.

— Барин, милый, пожалуйста, не губите! — воскликнула Варя. — Хоть переночевать позвольте мальцу, а там видно будет. Может, и пристроится куда.

Ей до боли было жаль на ночь оставлять на улице братишку. Похоже, её нового хозяина проняло.

— Хорошо, пусть идёт с нами. Но только на одну ночь! Завтра пусть ищет себе место.

Он привёл их в огромный дом, нет, не дом, а дворец. Для крестьянских детей великолепие дворца казалось сказочно красивым. Но Филиппа поразило не дивное убранство дворца — едва войдя на порог, он увидел ослепительно красивую

девушку. Он смотрел на неё во все глаза, не в силах оторвать взгляда от невыразимой красоты. Прежде он видел лишь деревенских красавиц: пышногрудых, румяных, весёлых, пышущих здоровьем и жаждой жизни. В деревне мерилом женской красоты считалась способность её обладательницы много работать от зари до зари наравне с мужчиной, поднимать и переносить тяжести, терпеливо сносить жизненные невзгоды и нарожать полную горницу здоровеньких малышей. Здесь же Филипп впервые увидел другую красоту, показавшуюся ему неземной: скромная сдержанная девушка с правильными чертами лица, с благородными манерами, с красивыми руками и длинными тонкими пальцами. На девушке было дорогое убранство и ювелирные украшения, в которых отражался свет и солнечными бликами прыгал по стенам. Но Филиппу казалось, что это волшебное сияние идёт от самой девушки. Он не мог оторвать потрясённого и восторженного взгляда от незнакомки.

Приведший их сюда человек, оказавшийся управляющим, сообщил ей, что нашёл новую горничную вместо сбежавшей давеча с любовником. Красавица улыбнулась и приказала показать новой прислуге её комнату.

Потом им истопили баньку, отмыли с дороги и уложили в постель. Перед этим Агафья, женщина

с кухни, руководившая банным процессом, рассказала им:

— Через день у нашей госпожи свадьба. Надо её облачать во всё свадебное, красоту навести, а прежняя горничная сбежала, мерзавка, никому ничего не сказав. Только потом мы узнали, что с полюбовником она сговорилась. Потому такая спешка и случилась, что надо кого-то толкового в помощь ей брать, а времени на выбор — нетути, — развела она руками.

Весь следующий день прошёл в суете и суматохе. С утра Варя простилась с братом, тому нужно было отныне самому искать себе применение в большом городе. Они обнялись перед расставанием; сестра, на правах старшей, перекрестила Филиппа и пожелала удачи. Сердце её рвалось от тоски и осознания того, что в происходящем её вина: ведь брат двинулся следом за ней в город, чтобы быть ей поддержкой и опорой, чтоб не была она одинокой среди чужих людей, чтобы защитить её в трудную минуту. А вышло так, что она быстро нашла себе службу с крышей над головой, а его выставляют на улицу.

— Если что, если будет трудно, совсем невоготу — возвертайся домой, к матушке в Полянку, — шепнула она ему.

— Никогда! — воскликнул Филипп. —

Вернуться — значит признать своё поражение. А такого я себе никогда не позволю.

Они ещё раз обнялись, и Филипп шагнул на шумную улицу. Со слезами на глазах Варя проводила его взглядом. Вослед она вновь осенила его крестом и двинулась в покои хозяйки.

Ей предстояла большая работа: подготовить барышню к предстоящей свадьбе. Вокруг было много незнакомых людей, все они куда-то неслись, что-то делали, а Варя никого из них не знала, как не знала и расположения комнат в большом доме, а оттого чувствовала себя очень скованно и неуютно. Она не совсем понимала, что именно ей требуется делать, чем она может помочь новобрачной — ведь примерка и пошив свадебного платья завершены, а причёсывать и обряжать к венцу предстоит только завтра.

Варину новую хозяйку звали Данута Даукантайте. Родом она была из Вильно², а сейчас жила у дяди и тёти. Её отец, Юозас Даукантас, и мать, Юрате Даукантене, рано умерли, а потому девочка оказалась на попечении других родственников. Теперь они отдавали её замуж, и ей предстоял долгий путь на родину мужа.

Когда Варя пришла к Дануте, чтобы

² Ныне город Вильнюс, Литва.

выполнять её распоряжения, та попросила хорошо расчесать ей волосы — ведь завтра цирюльник придёт делать ей красивую причёску. Варя расплела длинную косу девушки и стала прилежно расчёсывать волосы гребнем.

Данута, сидя перед большим зеркалом и глядя на то, как старается Варя, решила заговорить с ней.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Варя.

— А откуда ты?

— Я из деревни Полянка.

— А почему здесь? Зачем ты приехала в город?

— Да я, барышня, век бы никуда не ездила, мне в нашей Полянке всё родное, знакомое. Ни за что бы не сменила Полянку ни на какой город. Но вот отец наш умер, оттого и пришлось искать заработок.

— Понятно, — вздохнула Данута. Ей рассказ Вари напомнил её собственную историю — ведь она тоже после смерти отца сменила место жительства, покинула любимый Вильно и оказалась в Двинске. Родной город часто ей снился, её манило туда, тянуло, но со дня отъезда ей так и не выпала возможность побывать там.

Потом Данута задала главный вопрос новой горничной:

— А у тебя есть жених?

Поскольку все её мысли занимала предстоящая свадьба, то ей это тема для разговора казалась самой интересной и животрепещущей. Но Варя лишь невесело вздохнула:

— Нету, барышня, у меня жениха.

— Как, у такой пригожей девушки нет жениха? — искренне удивилась Данута. Ей почему-то казалось, что нынче, когда она идёт замуж, весь мир тоже должен жениться и выходить замуж. Все непременно должны быть счастливы вместе с ней.

Варя немного замаялась, ища на столике подходящие шпильки для волос, а потом рассказала, что есть один человек, Гриша, который волнует её душу.

Они выросли на одной улице. Вместе бегали по околицам, смотрели в ночное небо, рассматривая там далёкие и неприступные звёзды, растили младших братьев и сестёр, помогали родителям по хозяйству. Гриша жил в самом конце улицы, на краю деревни, его отец был пастухом. Частенько Гриша и Варей в детстве, неся ему обед, бегали к нему на луга, где он пас коров. Чаще всего это было молоко с хлебом — ничего другого у многодетной семьи на обед не было. Семья Гриши Сорокина была самой бедной в деревне. Пока Терентий Петрович обедал, ел чёрный ржаной хлеб, запивая его молоком, дети весело прыгали на лужайке,

бегали друг за другом, вереща от переполняющего их счастья. Пастух наблюдал за детскими играми и чаял о том, что, может быть, Варя — будущая его невестка. Девчонка ему нравилась, потому он, вытирая рот рукавом посконной рубахи, кричал от удовольствия, что вот так у Гришатки хорошо всё складывается — они детьми нашли друг друга, а значит, будут счастливы. Он готов был, как только подрастут мальцы, засылать сватов к Вариним родителям. Своё отцовское благословение он им уже приготовил.

Только вот не всё так складывается, как мечтается некоторым фантазёрам. Из-за того, что семья Григория была неимущая, что глава семейства был беден, как церковная мышь, отец запретил Варе даже думать о нём.

— По миру с ним пойдёшь, — строго сказал он. — Не позволю. Сорокиным тебя не отдадим.

Тем временем ребята подросли и почему-то обычное прикосновение их друг к другу, к которому они привыкли, общаясь прежде, теперь вызывало необычный трепет внутри, волны чего-то неведомого, но волнующего, разносились по всему телу, заставляя срывать дыхание и стыдливо прятать глаза. Варя видела сквозь прорехи на старенькой одежде Гриши, доставшейся ему от отца, его крепкое мускулистое тело, от вида которого она так не хотела отводить взгляд...

Но родительский запрет действовал сильнее. Гриша понимал, что добром ему девушку не отдадут, а иначе он не хотел. Они могли бы сбежать вместе, а потом родителям пришлось бы согласиться на этот брак. Но Гриша решил иначе. Он пообещал Варе поехать на заработки, выйти в люди, добиться чего-то в жизни, а потом приехать за ней. Уж тогда ему не должны отказать. Варя пообещала ждать его. Только вот время шло, а ни одной весточки от Гриши не было. Где он и что с ним — ничего она о том не знала.

— Расскажи мне о нём, какой он, — попросила Данута.

— О, если бы вы только видели его! Высокий, косая сажень в плечах, красивый, как Аполлон. И никто мне не нужен, кроме него.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей и не сидеть в молчании, Данута спросила свою горничную:

— А чем ты любишь заниматься, Варя?

— Я, барышня, шибко читать люблю.

Данута от удивления повернулась к Варе и переспросила:

— Ты читать любишь? Ты разве грамотная?

— Да, барышня. Мы все, полянские, в церковно-приходской школе учились. Только на чтение в деревне нет времени, летом всё в поле, лишь зимой бывает свободное время. Но зимой

рано темнеет, дни короткие. Читать при лучине приходилось. Матушка с тятенькой ругались, что глаза испорчу. Но мы с Филиппом, братец это мой, вдвоём сидели при свете лучины и читали, читали, читали... Прочитаем книжку, потом обмениваемся. Отец говорил, что это хорошо, что дети к разумному тянутся, может, в люди выйдут.

Данута про себя отметила, что деревенская девушка складно говорит, грамотно строит фразы. Это ей очень понравилось.

— И кто же у тебя любимый писатель? — спросила она.

— Я, барышня, поэзию очень люблю. Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева... Я даже наизусть могу прочитать.

— Изволь, я с удовольствием послушаю.

Варя прочла несколько стихотворений, блестяще преподнеся их как чтица. Данута уже с нескрываемым интересом присматривалась к своей прислуге.

— А из прозаиков кто тебе больше по душе?

— Тургенева очень люблю. Он природу нашу русскую любит, хорошо описывает. Я тоже природу люблю, поэтому мне близко то, что он пишет. И о природе, и о людях он хорошо пишет, правдиво, всё, как в жизни. Жаль только, что сам по Европам мотается, в России жить не хочет.

— Слушай, Варя, а ты «Анну Каренину»

читала? Что скажешь?

Роман Льва Толстого наделал много шума в свете. Мнения разделились: одни говорили, что настоящая любовь — это святое, это превыше всего, её редко можно встретить, а уж если кому она дана, то надо беречь её и не упускать, и правильно Анна сделала, что пошла по зову любви. Другие говорили, что любовь, описанная в книге, не более чем блуд опустившейся женщины. Замужняя женщина должна знать долг перед семьёй, перед мужем и ребёнком, а любовь, даже если и случилась в её жизни, не может быть оправданием предательству — уходу от семьи. Данута не знала, кто прав. У неё не было ещё ни мужа, ни любовника, она не знала ответа на животрепещущий вопрос: что же всё-таки такое поступок Анны? Она прислушивалась к разным мнениям, не приходя, однако, к своему. И вот теперь, на пороге замужества, она хотела знать, отчего Анна Каренина сделала такой выбор. Может, это такие мужья бывают, что от них жёны убегают? Или Анна действительно падшая женщина, которой не место в приличном обществе?

Данута обратилась с вопросом к Варе, потому что ей было интересно, как девушка, никогда не знавшая высшего света, глядя со стороны на ситуацию, выскажет своё мнение. Чью сторону она примет: любовь или семья? Ответ Вари

обескуражил её.

— Да от безделья она маялась, барышня. Кабы работала бы на поле да потом домой приходила, а там семеро по лавкам, их накормить да обстирать, и мужик ещё пьяный пришёл да гонял бы её вокруг избы, так не до глупых мыслей ей было бы...

Данута надолго задумалась. Такое ей никогда не приходило в голову. Выходит, женщине изначально предопределены ошибки из-за того, что у неё много свободного времени? Но ведь дама из высшего света не должна работать! И замуж её отдают зачастую без любви, а если та не приходит в браке, то она может искать чувств на стороне?... Это что же получается, что и ей, Дануте, может выйти в жизни такой же выбор?... Нет-нет, только не это! Уж она-то будет верной женой и никогда не ступит на тропу измены.

После венчания в костёле святого Петра молодожёны вернулись к ожидавшим их гостям. Свадьба вовсю гремела во дворце. Приглашённая знать гуляла, блюда едва успевали с кухни носить в зал, где были расставлены столы. Звучала музыка, пары танцевали, официанты подносили всё новые и новые кушанья и разносолы.

Всего этого Варя не видела. Ей не положено было находиться с господами за одним столом, оттого она сидела в помещении для дворни и

кухарок и лишь в воображении представляла, как галантные кавалеры приглашают дам на танец, как они вальсируют, как идут в мазурке, полонезе... Об этом она читала в книжках, но самой ей это было недоступно. Как же и ей хотелось, чтоб однажды какой-нибудь умопомрачительный красавец взял её за руку, вывел в центр танцевального зала и закружил её в вальсе, чтоб она видела лишь мелькающие вокруг восхищённые лица, а люди вокруг расступались и говорили, какая они красивая пара...

Варя пыталась представить, как красива невеста в подвенечном платье, как строг и элегантен жених, как он осторожно обнимает её тонкий стан и целует в алые уста... Жениха она видела лишь мельком и успела лишь заметить, что он едва ли не в два раза старше невесты.

— Давай, Варвара, за новобрачных, — толкнула задумавшуюся Варю сидевшая рядом кухарка Агафья. Она уже не одну чарку приняла, потому чуть захмелела и язык у неё потихоньку развязывался. — Пусть наша Дануга будет счастлива с этим...

Они выпили.

— Ты кушай, кушай, не стесняйся, — Агафья подкладывала Варе всё новые и новые порции. — Ты ведь у нас новенькая, так знай: у нас тут всё по-простому. А закусывать надо, а то захмелеешь с

непривычки. Сегодня у нас еда с барского стола, так что наедайся, когда ещё такое предстоит.

Они немного подкрепились, и Агафья снова налила по рюмашке.

— Какая у нас девчонка хорошая! А отдадут её Бог знает кому!

— Как это? — удивилась Варя.

— Про этого хлыща слава недобрая идёт. — Агафья наклонилась к Варе и зашептала: — Он уж не раз женат был. Жён своих прежних извёл, потому на родине, в Польше, его уж все знают, никто не хочет за него дочек отдавать. Так он сюда приехал, где его никто не знает, и посватался к Дануте. Но молва нехорошая и сюда пришла вслед за ним. Люди шушукаются, а Данута наша ничего о том не знает. Шибко любит он женские прелести, большой он ходок по женщинам. Как только прежняя жена ему надоедает, он от неё избавляется и берёт новую.

— А зачем же её отдадут ему, если он такой? — искренне удивилась Варя.

— Э-эх, Варенька! Да им лишь бы её с рук сбить поскорее! Дело в том, что когда умерли её родители, её взяла к себе Раса, родная сестра матери, и они с мужем растили её наравне со своими детьми. И вдруг Раса Эдмундовна, наша госпожа, тётя Дануты, умирает. Вдовец недолго горевал, а и привёл в дом новую жену. Она и

родных-то его детей невзлюбила, не говоря уж о сиротке. Вышло так, что осталась Данута с посторонними людьми. Она ведь им вообще никто, они совершенно чужие люди друг другу. Наша новая хозяйка хотела быстрее избавиться от Дануты, а с приданым жалась, не хотела давать, скупилась. А то, что от родителей Дануты осталось, так они давно присвоили себе, в своё владение записали. Обобрали её, как могли. Потому и с женихами сговориться не могли, тем всё мало было. А этот появился, сразу взял их в оборот, как-то сладили они это дело. Девчонку саму, конечно, никто не спрашивал. Вот и заберёт он её в Польшу, а там кто знает, как её судьба сложится... Давай-ка за неё выпьем, хорошая она была, душевная, нас, маленьких людей, не обижала, пусть и её упырь этот не обижает.

У Вари по спине пробежал холодок. Так вот какая она бывает, семейная жизнь! Не знаешь, за кого замуж идёшь, а за тебя уже пьют, как за помин души.

— Окстись, Агафья, — встрепенулась она, — что ты о ней, как о мёртвой.

Агафья перекрестилась.

— Да я не о том, я про то, что покидает она нас, уезжает, а что её там ждёт?...

Варя покачала головой. И правда, незавидная ситуация. И тут она спохватилась.

— Погоди, как уезжает? А я? — неужели ей снова на улицу, снова — поиски работы, снова повторить тот путь, который она однажды уже прошла?...

— Ну это уж как господа решат. Вообще-то тебя брали только для свадьбы, чтоб подготовить невесту, а то прежняя её горничная сбежала. Да я тебе уж рассказывала об этом! Ну тебя, — махнула она рукой на Варю, — давай за невесту, чтоб всё у неё ладно да гладко было в жизни!

Молодой муж Анджей Собчак, тридцати девяти лет от роду, готовился к отъезду на родину. Баулы и чемоданы были собраны и с утра им предстояла дальняя дорога.

— Ты готова, дорогая? — поправляя бабочку перед зеркалом, спросил он молодую супругу скорей из вежливости, чем от необходимости с ней говорить.

— Да, милый. Только я хочу тебе сказать: с нами поедет Варя.

— Какая ещё Варя? — неприязненно обернулся Анджей.

— Моя новая горничная. Это удивительная девушка...

— Данута! Не говори глупостей! У меня в имени девок полный дом! Выберешь себе любую! Нечего тащить отсюда ко мне в дом всякую чернь!

У меня у самого таких полно!

— Анджей, как ты говоришь о людях? Ты же аристократ!

— Прости, дорогая.

Анджей подошёл к жене, взял её руки в свои и нежно поцеловал их.

— Я хочу сказать, что у меня много прислуги. Зачем нам ещё? А из моих сама присмотришь себе горничную.

Данута вырвала свои руки из его рук.

— А я не знала, что ты такой. Мне нужна только Варя, — твёрдо сказала она. — Она для меня не только прислуга, но и подруга, мне с ней интересно. Выбери: или Варя едет с нами, или мы никуда не едем.

— Полно тебе, душа моя! Неужто из-за какой-то девки-простолюдинки мы будем ссориться? Варя так Варя. Пусть едет с нами.

Напоказ примирившись с женой, Анджей вышел из её спальни. В душе у него всё кипело. «Подруга-плебейка!» — бормотал он в ярости. Ну ладно, раз от этого зависит его семейное счастье, так и быть, он смирится. Но это в последний раз. Отныне он сам будет решать все вопросы в их семье.

* * *

Пани Ванда Войцеховская обходила большое поместье и торопила слуг.

— Быстрее, быстрее, пошевеливайтесь, бездельники! Пан Анджей скоро прибудет с молодой женой, тут должен быть безупречный порядок!

Вслед ей летели неприязненные взгляды-молнии. Вслух высказать ей то, что накопилось, никто не решался. Ненавистная экономка всех раздражала, потому что никому не давала спуска. При этом она была не только экономкой в доме графа, но и управляющей всей усадьбы. И потому держала людей в строгости. Господин полностью доверял ей, а оттого она была крайне немилостива к работавшим в поместье. Она не боялась гнева хозяина, зная, что ей дозволено всё. «Я с вас три шкуры спущу, но заставлю вас делать то, что мне нужно и как мне нужно», — часто говаривала она.

Проверив все помещения усадьбы Собчаков, она, удовлетворившись увиденным, пошла к себе. Жила она с двумя дочерьми. Муж её был большим поклонником Бахуса, от этой любви и почил раньше времени. Сейчас ей надо было серьёзно поговорить со старшей дочкой Малгожатой. Хорошо, что Зоси, младшей, не было дома, она была где-то на улице с подружками.

— Малгоша, я хочу с тобой поговорить, —

сказала пани Ванда.

— Ну что ещё? — раздражённо отозвалась Малгожата.

— Подойди ко мне, сядь рядом.

Не скрывая своего крайнего неудовольствия, дочь приблизилась и нарочито картинно уселась возле матери, всем своим видом показывая, что делает ей большое одолжение своим приходом.

— Чего хотела? — буркнула она.

— Малгоша, ты уже большая девочка, нам пора позаботиться о твоём будущем. Я вот что хочу предложить: скоро приедет пан Анджей с новой женой, так я хотела бы, чтобы ты стала у неё горничной.

— Да ты вообще с ума сошла или как? — возмутилась Малгожата. — Не хватало мне ещё прислуживать каким-то барыням! Хватит того, что ты всю жизнь в услужении у Собчаков, унижаешься перед ними, а люди тебя все ненавидят! Сидела бы дома, как все приличные женщины, а ты бегаешь по имению, как овчарка! Ещё и меня хочешь сделать такой же?

— Успокойся, — попробовала утихомирить дочь пани Ванда.

— Что «успокойся»? Сама успокойся и не лезь в мою жизнь, не навязывай своих решений! Привыкла людьми командовать, а я тебе не служанка, я — твоя дочь, и потому не ломай мне

жизнь! Ещё чего не хватало, чтоб я перед кем-то унижалась, кому-то прислуживала! Как ты это себе представляешь: я в переднике буду подносики им подносить — кушать подано? Это только ты на это способна, а я унижаться ни перед кем не буду!

— Во-первых, ты прожила всю свою жизнь за счёт жалованья, которое я зарабатывала, а Собчаки мне платили за честную службу у них. Во-вторых, не кипятись, а послушай сначала мать. Возраст у тебя подходит такой, что надо будет тебя замуж выдавать. А за кого? Вот я и подумала: если будешь при хозяйке, может, кого-то приличного и присмотришь. Опять же, на прогулки будешь с ней ходить, подавать, когда гости к ней придут. А там мужчины — из высшего общества. Наша сила в том, что мы — женщины. А мужчина — это слабое существо, его можно брать голыми руками. Главное, сделать правильный расчёт, кто из них клюнет и не уйдёт из твоих рук. Впрочем, даже если не женится, а будет содержать тебя — тоже неплохо. Даже если родишь от богатого и знатного и он будет тебя и ребёнка содержать всю жизнь — это тоже хорошо. Чтоб потом вот так всю жизнь не подавать господам, надо один раз сделать правильный выбор в жизни.

Видя, что Малгожата задумалась, пани Ванда добавила:

— Ну подумай сама, не за конюха же тебе

выходить?

— Ладно, — примирительно пробормотала Малгожата, — согласна.

Мать потрепала её по волосам и с улыбкой сказала:

— То-то же, надо слушаться старших. Мы жизнь прожили, знаем, что и почём. Какая польза от того, что я в законном браке жила? От твоего папаши-пьяницы ничего хорошего, кроме пьяных скандалов, не видела, ещё и зарабатывать на жизнь себе и вам вынуждена была сама, а от него никакого толку не было. Так что я тебе дурного не посоветую. Слушай мать.

* * *

Путь в Польшу лежал через Литву. Данута ждала встречи с городом своего детства — Вильно. Она уехала оттуда ещё ребёнком, а потому хотела увидеть родные улочки и знакомые дома, по которым успела соскучиться за годы жизни в Двинске. Когда на горизонте показались абрисы дорогого сердцу города, она, чтоб не выдать волнения, вцепилась пальцами в платочек. Да, здесь она своя, здесь всё родное, но она, пожалуй, уже никогда не сможет назвать себя жительницей этого города. Она едет в Польшу, она — графиня Собчак, и там отныне она будет жить и растить детей. Там

её будущее. А прошлое — детство и юность, Вильно и Двинск навсегда останутся лишь в воспоминаниях. Проезжая по городу она увидела, что возле гостиницы «Жорж» появилась новая скульптура — святой Георгий, поражающий дракона. При ней этого не было.

— Останови карету, — попросила она мужа. Ей хотелось пройтись по родным улочкам, почувствовать силу родной земли, прикоснуться к домам, камням, деревьям...

— Милая, ты забыла, что ты — графиня Собчак? Тебе не пристало пешком шастать по улицам.

— Анджей, пожалуйста, я тебя очень прошу! Дай мне выйти и хотя бы постоять здесь. Я хочу проститься с детством.

Нехотя граф Собчак позволил ей выйти из кареты на мостовую. Она вышла и осмотрелась вокруг, насколько хватало взора. Это был Старый город, исторический центр Вильно. Здесь находились здания Виленского университета, гора Трёх крестов (в старину её называли Лысая или Кривая) и Замковая гора с башней Гедиминаса, оставшаяся от укреплений Верхнего замка и являющаяся символом города. У подножья Замковой горы расположилась Кафедральная площадь, на которой стоял памятник князю Гедимину. Тут же были Кафедральные соборы

Святого Станислава и Святого Владислава с колокольной. От Кафедральной площади шли улицы Замковая и Большая, они вели к Ратушной площади, на которой стояла городская Ратуша. От неё можно было напрямик дойти до Острой Браны — старых городских ворот. Здесь находилась часовня с чудотворной иконой Остробрамской Божьей Матери.

Как часто она маленькой девочкой бывала тут, на этих вымощенных улочках, она ходила здесь с родителями, бывала в соборах, приходила на первое причастие, ставила свечи, просила Богоматерь счастья для себя и своих родителей, потом молилась за упокой их душ...

Нехотя Дануга вернулась в карету. Ей предстоял длинный путь в новую жизнь. Но она ещё не раз оглянулась, прощаясь с городом своего детства...

Русско-литовский город Вильно начинался со Старого города с веерообразным планом, выросшего в долине реки Нярис возле Верхнего и Нижнего замков (последний до нынешних дней не сохранился). В русских летописях он упоминался уже в 12-м веке. Около 1240 года литовский князь Миндовг стал объединять литовские племена, а заодно и присоединять к ним раздробленные русские княжества. Его дело продолжил Гедимин

(1316–1341), с 1323 года Вильно уже являлся столицей Великого князя русского и литовского Гедимина и Литовской Руси³. Здесь мирно соседствовали русские, литовцы, поляки. При князе Ольгерде (1345–1377) литовцы массово принимали православие. Но пришедший ему на смену князь Ягайло остальных литовцев стал крестить в католики. В 1387 году он заложил католический храм Святого Станислава. Однако при этом он встретил сопротивление князя Витовта (1392–1430), который сделал Вильно своей резиденцией. При них к литовским землям добавились земли Белой, Красной (Червонной) и Чёрной Руси, а также у татар был отвоёван Киев. Витовт и его преемник, брат Сигизмунд I, открыто стремились сделать город центром всего русского. Официальным языком Великого княжества Литовского, Русского и Жамойского⁴, существовавшего с 13-го века по 1795 год, был русский. Влечение к русскому языку, православию и образу жизни удостоверяет и тот

³ Литовская Русь — земли Руси до Люблинской унии 1569 года, т. е. до объединения Литвы и Польши и образования Речи Посполитой.

⁴ Территория Княжества — это территория нынешних Литвы, Белоруссии и Украины.

факт, что первая книга, изданная в Вильно в 1525 году белорусским просветителем Франциском Скориной, была книга «Апостол» на русском языке.

Начиная с 1385 года между Польшей и Литвой было составлено несколько уний. Литовская шляхта стала перенимать польский образ жизни, язык, культуру, православные шляхтичи стали переходить в католичество. В Литве появилось крепостное право (на несколько веков раньше, чем в России), при этом православные русские крестьяне стали крепостными — частной собственностью литовской полонизированной шляхты, перешедшей в католичество. В 1469 году Казимир Ягеллон ввёл запрет на строительство православных храмов. Это вызывало большое недовольство среди угнетаемых православных и приводило к восстаниям. Они обращались к России за помощью. Последовавший в 1530 году большой пожар, а затем в 1533 году массовый мор, выкосивший треть населения, были расценены населением как плата за отказ от православия.

В 1558 году началась Ливонская война, в которой Россия выступила на стороне притесняемых православных граждан. Литовская сторона, спасаясь от полного разгрома, была вынуждена в 1569 году подписать Люблинскую унию с Польшей, с которой они объединялись в единое государство — Речь Посполитую. При этом

литовцы полностью теряли свою государственность и подчинялись внутренней и внешней политике Польши.

С 1795 года, после третьего раздела Польши, Литва вновь вернулась к России. Павел I основал в Вильно кадетский корпус, а Александр I в 1801 году снял с города долг государству и открыл Виленский университет. В 1819 году здесь было отменено крепостное право, это было намного раньше, чем во всей остальной России (в 1861 году). Остзейские немцы, потомки рыцарей, которых было немало в остзейских губерниях, делали карьеру в Российской империи, занимая чиновничьи посты на всех уровнях.

По переписи населения 1897 года в Вильно проживало 154 532 человека. Из них: 61 847 (40 %) — евреи, 47 795 (30,9 %) — поляки, 30 967 (20,1 %) — русские, 6514 (4,2 %) — белорусы, 3238 (2,1 %) — литовцы и 4117 (2,7 %) — остальные⁵. Так что назвать Вильно литовским городом можно было с очень большой натяжкой.

Варя готовилась к встрече с Польшей. Здесь ей предстояло жить, может быть, до конца дней своих. Никто не мог наперёд уверенно сказать, что

⁵ Данные Википедии.

ожидает девушку в новой стране и как сложится там её судьба. Данута предложила ей поехать с ней в Варшаву, а Варя не стала раздумывать — хозяйка ей нравилась, искать новое место хлопотно, а так уже есть работа и не надо бегать в её поисках. Пожалуй, это и было главным в принятии Варей решения — не хотелось снова уныло бродить по улицам, заходить в богатые дома, заглядывать в глаза людям, заискивать и просить какого-нибудь заработка.

И всё же, несмотря на всё это, ехать в Польшу было боязко. Отношения России с Польшей всегда были непростыми. Поляки издавна пытались покорить русских, но сами оказались в плену собственных воинственных нападений на Россию — они стали её частью, их подчинили себе те, кого они пытались уничтожить.

Во времена Ливонской войны Иван Грозный был втянут в войну с польско-литовской коалицией, выступив в защиту угнетённых православных. В 1563 году русскими войсками был взят Полоцк. Это стало русской победой, а польский король Сигизмунд II Август Бездетный заключил Люблинскую унию о союзе Польши и Литвы — для совместных действий против России. После периода бескоролья (1572–1573), когда пресёкся род Ягеллонов, к власти пришёл Стефан Баторий, который подписал перемирие в войне между

Польшей и Россией.

Тем временем Швеция тоже поглядывала в сторону России и далеко не с мирными целями. В 1580 году шведский король Юхан III составил план захвата и расчленения России, чтобы прекратить само существование этого государства. Он хотел взять Карелию, город Корелы, Ижорскую землю, Кольский полуостров, побережье Белого моря и Северной Двины. Польская шляхта настаивала на создании польско-шведской коалиции против России. Это стало возможным, когда польский (1587–1632) король Сигизмунд III Ваза стал ещё и шведским монархом (1592–1599). Но внутренние и внешние причины помешали врагам осуществить агрессию в конце 16-го века.

Новая попытка была предпринята, когда после смерти Ивана Грозного началась смута на Руси. Старшего сына Ивана он сгубил сам, второй, Фёдор, страдал слабоумием, младшего, Дмитрия, убили в Угличе тайно подосланные Борисом Годуновым люди. Впрочем, это лишь одна из версий. Согласно другим версиям он умер либо от эпилепсии, либо от несчастного случая. Эта загадочная смерть привела к затяжному политическому кризису в стране, связанному с тем, что прямого наследника Рюриковичей не осталось. Было и такое предположение, что царевич уцелел и до поры до времени тайлся от врагов. Через

некоторое время Григорий Отрепьев⁶ под именем убиенного царевича Дмитрия, вошедший в историю как Лжедмитрий I, предъявил права на русский престол. В этом ему активно помогали поляки, надеясь таким образом влиять на политику России. Они вторглись под предлогом помощи самозванцу, а затем прямо выказали свои намерения — покорение Московского государства. Со Лжедмитрием на русский престол вступила и его жена, дочь сандомирского воеводы Марина Мнишек⁷ — честолюбивая полька вышла за него замуж ради короны. Отрепьев обещал полякам (и своему тестю Ю. Мнишеку) в обмен на их поддержку отдать Польше западные районы России, повсеместно ввести католичество, а также поддержать Речь Посполитую в её борьбе со Швецией, с которой к тому времени уже успели поссориться. Но, встав на престол, Лжедмитрий отказался от своих обещаний.

В Москве самозванцев заподозрили в обмане: молодая чета привезла на Русь вилки. До этого

⁶ Григорий Отрепьев принадлежал к знатному, но обедневшему роду Нелидовых из Литвы. Отрепьев — это кличка, полученная им от царя Ивана III.

⁷ Марина Мнишек (1588–1614).

здесь знали только ложки. К тому же, русский государь и его супруга категорически отказывались посещать русскую баню, что было неслыханно для Руси и привычно для любого европейского двора. Сопоставив дьявольские рогатины и отказ царя посещать баню — явные признаки того, что он не является православным и не может быть потомком Ивана Грозного, народ засомневался в новом царе. В 1606 году он был убит во время антипольского восстания в Москве. Марине удалось бежать неузнанной. Это был крах первой попытки польской агрессии.

В 1608 году военные силы польско-литовских магнатов устроили новый поход на Москву во главе со Лжедмитрием II. Марине Мнишек очень хотелось быть царицей, а поскольку Лжедмитрий выдавал себя не только за царевича Дмитрия, но и за Лжедмитрия I, то ей пришлось тайно обвенчаться с новым Лжедмитрием. Поляки стояли военным лагерем в Тушино, отсюда появилось прозвище Лжедмитрия II — Тушинский вор. Василию Шуйскому удалось заключить перемирие: они обещали отпустить всех поляков, захваченных в Москве в 1606 году, что и сделали, а Сигизмунд III Ваза обязался убрать свои войска. Но он не только не выполнил свою часть договора, но и привёл дополнительный отряд. Поляки захватили значительную часть европейской части России. На

захваченной территории они устроили массовые грабежи, насилие, огромные денежные и натуральные реквизиции, что вызвало сопротивление местного населения. Опираясь на национально-освободительное движение, новгородец М. В. Скопин-Шуйский со своим войском очистили русскую землю от поляков. Тушинский лагерь распался, Лжедмитрий II бежал в Калугу, Марина спаслась бегством в гусарском платье. Дальнейшая её судьба плачевна: она была поймана и заточена в Круглой башне Коломенского Кремля, которая с той поры зовётся Маринкиной башней. Её трёхлетний сын был предан смерти. То ли она умерла там с тоски, то ли была казнена, а только прокляла она род Романовых и пожелала, чтоб они вымерли все насильственной смертью до последнего ребёнка.

Неудача Лжедмитрия II, продолжающаяся смута в Московском государстве и внутренняя стабилизация в Речи Посполитой привели к новому витку открытой агрессии против России, которую одобрил сам Папа Павел V. В 1609 году началась осада Смоленска. Швеция помогла русским войскам своими отрядами, было заключено соглашение о том, что они предоставляют войска в обмен на город Корелу (хотя население города воспротивилось этому). Прежние сторонники Лжедмитрия II во главе с Салтыковым заключили

договор с Сигизмундом III, согласно которому его сын Владислав признавался русским царём в обмен на снятие осады Смоленска. Однако польский король вновь обманул, а шведские наёмники предали, что привело к разгрому русских войск под Клушином, падению правления Шуйского и появлению нового правительства — Семибоярщины. Польские войска под командованием гетмана Гонсевского вошли в Москву. Они устроили кровавую резню, только 17 марта 1611 года в одном Китай-городе было вырезано более семи тысяч москвичей. Кровавое хозяйничанье поляков, навязывание чужих порядков вызвало новый подъём национально-освободительной борьбы. Первая попытка ополчения потерпела крах, в том же году пал Смоленск после двух лет осады. И тогда в Нижнем Новгороде создаётся второе ополчение купцом Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским. Кузьма Минин провозгласил: «Заложим жён и детей, но спасём Русскую Землю от захватчиков!» По домам в те дни забирали женщин и детей, а мужья и отцы доставали кубышки и выкупали своих родных деньгами и драгоценностями — так собрали средства на народное ополчение, которое 26 октября⁸ 1612

⁸ По старому стилю.

года освободило Москву от поляков.

К этому же периоду относится подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина. В 1613 году Михаил Романов, которого полагали избрать на царство, хоронился со своей матушкой в одном из монастырей костромской земли. Поляки видели в нём конкурента своему претенденту на русский престол Владиславу и хотели умертвить будущего русского царя. Они обратились к мужику Ивану Сусанину, чтобы он отвёл их к монастырю, где скрывался Романов. Сусанин повёл их в другую сторону, успев отправить посланника к Михаилу с предупреждением об опасности, завёл захватчиков в болото, где и принял от них мучительную смерть: его подвергли жестоким пыткам, а затем изрубили на мелкие кусочки.

Тем временем в Пскове появляется новый Лжедмитрий, уже третий по счёту. Лжедмитрий III прозывался «псковский вор Сидорка». Получив неограниченную власть, он стал вести распутную жизнь, чинил насилие над горожанами, ввёл непосильные поборы. Этим он восстановил против себя многих людей. Был заговор при дворе, московские казаки, охранявшие Лжедмитрия, ушли от него. Сидорка бежал из Пскова, но был изловлен и в цепях доставлен назад, посажен в клетку и

выставлен на всеобщее обозрение горожанам. Затем был казнён.

Что касается убиенного царевича Дмитрия, то есть ещё одна историческая версия о его смерти. Будто бы он вовсе не был убит, а умер от несчастного случая. Борис Годунов, преемник Ивана Грозного, распорядился доставить гроб с телом мальчика в Москву на опознание. Когда открыли гроб, мать подтвердила, что это её сын. Значит, все люди, выдававшие себя за царевича, были самозванцами.

Сигизмунд III не смирился с поражением 1612 года и в 1617 году пытался вновь завоевать Русское государство. Была осада Москвы, но эти поползновения окончились неудачей. Хоть столицу не отдали на поругание ляхам, но после той войны были потеряны Смоленск, Чернигов, Дорогобуж и другие города юга и запада государства Российского, зато страна получила передышку.

В 1632–1634 годах была предпринята попытка вернуть потерянные Смоленск и Чернигово-Северские земли. Поляки рвались к Москве. Во время боевых действий начались эпидемии и голод, поляки массово дезертировали. В Москву ляхов не пустили, польский король Владислав IV отказался от претензий на русский престол, но земли вернуть тогда не удалось.

Но впереди была новая война. Сначала в

1648–1654 годах шла национально-освободительная война Малороссии от польского владычества. Она завершилась присоединением Малороссии к России в 1654 году. В Переяславе 8⁹ января 1654 года собралась Рада (совет), куда были приглашены представители полков, горожане, крестьяне. Богдан Хмельницкий, украинский гетман, рассказал о притеснениях украинцев со стороны поляков, о жертвах, понесённых за эти годы народом. Спасаясь от преследований поляков, украинцы бежали в Россию, где на Дону и Яике существовали казацкие края, имевшие автономию и не знавшие крепостничества. Русское правительство давало пристанище украинским крестьянам и казакам, селя их на свободных землях на правах вольных людей. Простой люд, оставшийся под польским ярмом, мечтал о спокойной жизни без национального гнёта и религиозных преследований. Украинское шляхетство и казацкие старшины хотели закрепить свою власть и сословные привилегии, стремясь превратиться в правящий класс без давления поляков. Это возможно было лишь путём получения автономии в Российской империи. Хмельницкий предложил признать власть русского царя, и все присутствующие единодушно его

⁹ По старому стилю. По новому стилю это будет 18 января.

поддержали. Была принесена присяга на верность России, и отныне Киевское, Брацлавское, Черниговское воеводства стали частью Российской империи.

Россия взяла малороссов под свою опеку, с чем не были согласны поляки и их король Ян Казимир. Это стало поводом в войне между Польшей и Россией, продолжавшейся с 1654 по 1667 годы. Речь Посполитая к концу 17-го века уже пришла в упадок, вызванный внутренними национальными распрями и внешними причинами — неудачными войнами, одна из которых вошла в историю под названием «шведский потоп» или «шведская погибель». Это была шведская агрессия (1655–1660) против европейских стран, когда обезлюдела треть Европы. А в самой Польше было уничтожена половина населения и разграблены все крупные города.

Русские войска разбили поляков в Литве. Тут же шведский монарх Карл X предъявил претензии на Литву и Белую Русь. Шведские атаки были также отбиты. России отошли левобережная Малороссия, Смоленск, Чернигово-Северские и другие земли, потерянные в прежней войне. По перемирию, заключённому в 1667 году на 13,5 лет, Киев, мать городов русских, предоставлялся поляками во временное владение России. В 1686 году был заключён мир, названный вечным, по

которому польский король Ян III Собеский закрепил Киев вкупе со всеми её приобретениями той войны за Россией.

Не всем в Европе понравилось такое положение вещей. Швеция пришла на помощь обиженным полякам. В 1709 году состоялась битва под Полтавой. Швеция уже выдохлась после устроенного Европе «шведского потопа», но ещё надеялась показать свою силу всему миру и усмирить Россию. Однако в Полтавской баталии шведский король Карл XII потерпел сокрушительное поражение и с позором бежал. На этом окончилось военное могущество Швеции, это была её последняя попытка бряцать оружием, более никогда Швеция не напоминала миру о своих притязаниях на чужие земли.

Однако поляки не хотели мириться с потерями земель и новыми границами. В 1768 году польские конфедераты предприняли попытку новой войны с Россией и обратились за поддержкой к Турции и Франции. Турция поддержала их и объявила войну России. Русские войска, ведомые генералиссимусом Александром Васильевичем Суворовым, разбили конфедератов. Чтобы отныне агрессивная нация не грозила больше нападениями и войнами, в 1772 году состоялся первый раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией.

Подъезжая к Варшаве, слушая чужую речь, которую ей предстояло освоить, Варя уже начинала понимать, что нельзя вот так сплеча принимать решения. Надобно было всё обстоятельно обдумать, прежде чем решиться на подобное предприятие. Но времени на это не было. Да и откуда деревенской девчонке знать, какие препятствия предстоит ей преодолеть в чужом краю?

Примерно те же чувства испытывала и Данута. Всё, что было ею любимо и дорого ей, осталось там, далеко позади. Здесь — чужая семья, чужой язык, чужие нравы и порядки. Надо привыкать, подстраиваться. Ей надо показать себя так, чтобы высшее общество Варшавы приняло её и оценило по достоинству. А ещё — нужно привыкать к семейной жизни. За время путешествия Данута почувствовала некоторую отчуждённость своего мужа. словно какой-то барьер был между ними. Подспудно она чувствовала, что ей вовсе не хочется преодолеть этот барьер. Ей было хорошо, когда он молчал и она молчала. Говорить им было не о чем. Но так не могло быть вечно. Вероятно, дорожные тяготы заставляли их молча думать каждый о своём. Скоро они прибудут в имение, там начнётся настоящая семейная жизнь и всё будет по-другому, успокаивала она себя.

Малгожата летела в барский дом, как на крыльях. Известие о прибытии молодожёнов заставило её вострепнуться и кинуться навстречу судьбе. Вот он, её звёздный час. Она станет прислугой молодой хозяйки и войдёт в высшее общество Варшавы, да что там Варшавы — всей Польши! Все красавцы и богатеи будут у её ног! Уж она-то не упустит возможности, она-то сможет заставить их влюбиться в неё. Она даже готова натянуть на себя передник горничной. Конечно же, новоиспечённая графиня Собчак непременно проникнется самыми нежными чувствами к своей девушке-прислуге, а уж та не прозевает своего шанса. Она, Малгожата, будет благосклонна ко всем входящим в этот дом знатным мужчинам, она даже готова предоставить им аванс в виде своего тела. Только бы найти того человека, который сможет её принять в своё сердце на всю жизнь!

Для дочери пани Ванды двери панского дома были открыты всегда. Она была вхожа в этот дом в любое время. Вот и сейчас она вихрем ворвалась внутрь, но тут же она увидела мать.

— Малгоша, пойдём со мной, — сказала строго пани Ванда так, как она говорила с прислугой в доме Собчаков.

Они прошли в отдалённый угол дома, где могли говорить без посторонних ушей.

— Понимаешь, доченька, возникли

непредвиденные сложности, — сказала пани Ванда. — Молодая жена нашего Собчака привезла с собой прислугу и не хочет её отпускать от себя. Они обе не говорят по-польски, пока общаются только друг с другом. Новая пани заявила, что ей никто не нужен.

Малгоша опешила. Выходит, все её планы оказались пустой выдумкой? Но ведь она так хорошо всё продумала, так составила план своей жизни, что это не может просто так сгинуть. Надо непременно претворить все свои прожекты в жизнь, ибо в противном случае ей и впрямь придётся выходить замуж за какого-нибудь конюха. А это никак не входило в её житейские планы.

— Что же делать? — дрогнувшим голосом спросила она.

— Пока подождём. Не будем торопиться. Может, они рассорятся, может, её переведут на другие работы, или она уволится, или захворает и...

Малгоша задумалась. Неужели и впрямь какая-то другая девка займёт её место и будет знакомиться с богатыми и знатными мужчинами?

— Не-ет... Нет! Так не будет, — твёрдо сказала она, покачав головой. — Так не будет!

Варя подстраивалась к новым в её жизни обстоятельствам. Ей предстояло выучить польский язык. Но ведь Данута сразу поняла, что Варя —

смышлёная девушка и потому безо всяких сомнений взяла в новую страну — ей будет легко освоить чужую речь. Поэтому им обоим сейчас было несладко — среди незнакомых людей, чужих обычаев и непонятной речи. Правда, Варя повезло, она встретила землячку, русскую женщину Евдокию. Та работала на кухне, была замужем за поляком Людвигом, давно жила в этих краях и очень обрадовалась, услышав родную речь. Поэтому они старались, как выпадет случай, встречаться и говорить по-русски, наслаждаясь этой возможностью.

Однажды в панском доме Варя увидела женщину, которая её очень испугала. Она была неопрятна, волосы с пробивающейся сединой торчали во все стороны, глаза её безумно горели, словно она хотела совершить что-то нехорошее. Варя от испуга потеряла дар речи и кинулась к Евдокии.

— Тётя Дуся, там какая-то страшная женщина! — Варя описала увиденную ею дамочку. — Кто это? Что она тут делает?

— А, не обращай внимания, — махнула рукой Евдокия. — Это пани Ядвига, старшая сестра нашего пана Анджея. Она любит приложиться к чарочке, а пан не любит этого и запрещает ей пить. Винные подвалы замка все заперты на замки, а ключи он никому не доверяет, прячет в своих

сейфах. Все её потайные места опустошаются по его приказу, а ей хочется выпить — а нечего. Вот она и ищет по всему дому, где можно найти бутылочку, если не находит, то приходит в бешенство. Говорят, в молодости она была безумно влюблена в одного красивого парня, но он был ниже её по статусу, потому её отец, старый граф Собчак, не допустил этого брака. Он запретил ей выходить замуж, а мальчишку того будто бы сдал в полицию по обвинению в краже у него драгоценностей. С тех пор к ней так никто и не посватался, пани Ядвига замуж не вышла, но зато стала выпивать. В Польше старых дев называют «старая панна», но в нашем доме запрещено так говорить о Ядвиге, чтобы не напоминать о её стародевстве, поэтому она у нас пани Ядвига. Ещё один у нас такой же есть — пан Ежи. Это старший брат пана Анджея. Он тоже любитель крепких напитков, тоже неженатый, и ему тоже пан Анджей запрещает пить, а он прячет своё богатство у нас в шкафчике. Но это полная противоположность пани Ядвиге — милейший человек, добродушный обходительный мужчина, так и хочется ему помочь. Не захочешь да нальёшь. Поэтому мы позволяем ему тут держать свои запасы в наших кухонных шкафчиках. Если что, говорим, что наше — уж такой душевный человек этот пан Ежи. Мы его Ёжиком зовём. Пан Анджей у своих родителей был

самым младшим, третьим ребёнком, так он по этому поводу сказывал, что у его родителей нормальный полноценный ребёнок получился только с третьей попытки.

Постепенно Варя привыкла к женской фигуре, молча и беспорядочно бродящей по дому в поисках чего-нибудь горячительного. Но взгляд её, пронзавший насквозь, заставлял девушку поспешно ретироваться подальше от греха.

Пан Ежи, большой мужчина, добросердечный, отзывчивый, всегда чуть-чуть навеселе, частенько заглядывал на кухню за своим добром. Там он не гнушался выпивать и подолгу беседовать с кухарками. Поварихи не испытывали особого восторга по этому поводу, так как пан Анджей строго-настрого запрещал подобные возлияния и обещал, что в случае, ежели застанет кого на месте преступления, то немедленно вышвырнет виновных из своего дому. Но и отказать добрейшему милейшему пану Ежи никто не мог. Большой и добрый мужчина был любимцем всех поварих, которые и подкармливали его, не дожидаясь общей семейной трапезы. Вот так и метались кухарки меж двух огней, боясь гнева господского пана Анджее и не в силах отказать другому хозяину, пану Ежи.

Данута первое время привыкала к новой обстановке, присматривалась к окружающим её

людям. Супруг представил её обществу, они посещали балы и салоны Варшавы. Пока она ещё не настолько владела польским языком, чтобы свободно общаться, поэтому Данута больше молчала и подруг у неё не появилось. Но постепенно она почувствовала, что муж мало интересуется ею. Он надолго отлучался из дому, никогда не предупреждая, куда едет и когда вернётся. Молодая жена стала чувствовать себя мебелью, которую не замечают. В отсутствие мужа она не могла одна выйти в свет. Поэтому ей оставалось лишь коротать свои дни и ночи в поместье в одиночестве. Часто она закрывалась в своём будуаре и плакала там в подушку. Она не хотела, чтобы кто-нибудь видел её слёзы, поэтому даже Варя не полагалось заходить к ней.

В такие моменты Варя чувствовала себя свободной, а потому шла к тётке Дусе. Там, между пирожками, они и беседовали.

— Э-эх, пан-то наш Анджей шалун ещё тот! — рассказывала Евдокия по-русски, чтобы никто не подслушал их разговора. — Он большой любитель женских прелестей, всё время ищет новых ощущений. И женщин меняет, как перчатки. Как только надоела, так сразу она исчезает с его пути, он приводит в дом новую.

— Он что, убивает их? — леденя от ужаса, спросила Варя. Она вспомнила, что ещё в Двинске

ей говорили об этом.

— А кто его знает! Первая его жена была Эльжбета, она была из очень богатой семьи. Они тогда были ещё совсем юными, но она ему не нравилась, он не хотел жениться. Отец его настоял, говорил, что такого приданого он больше ни от кого никогда не получит. Вскоре после свадьбы они поехали покататься верхом. Эльжбета очень любила это дело и была знатной наездницей. Она красавица была, у неё были длинные белые волосы, когда она скакала верхом, её распущенные волосы развевались на ветру... В тот день пан Анджей привёз с прогулки её бездыханное тело, сказав, что она упала с коня и сломала шейный позвонок.

Варя и тётя Дуся перекрестились. Рассказчица продолжила:

— Что уж там приключилось, никто не знает, только стал он вдовцом. Вторая его жена была Моника. Она родила ему сына Адама. Прожили они вместе несколько лет, а потом что там между ними произошло, нам о том неизвестно, а только закрыл он её в комнате и никуда не выпускал. Потом оказалось, что она смертельно больна. Злые языки болтали, будто бы он избивал её так, что скончалась она. Но мы того не знаем, сами не видели, напраслины возводить не будем. Адама забрали родители Моника, пан Анджей не прекословил. К сыну он был равнодушен и даже как будто тот его

раздражал. С тех пор Адам здесь так и не бывал. Потом наш пан женился на Каролине. Это была потрясающая красавица! Уж на что красива была Эльжбета, но та была блондинка, а эта — брюнетка, но красы неопишуемой. До сих пор мы её вспоминаем... Так вот её, нашу пани Каролину, он сдал в монастырь. Чем она его так прогневила, не могу сказать. И покорная была, и покладистая, и красавица... Чего этим мужикам надо? Теперь вот новую игрушку себе привёз — нашу новую пани Дануту. Сколько ей суждено тут прожить и что он с ней дальше сотворит, одному небу ведомо. А только жалко девчонку, она ведь молодая и красивая. Жизнь сломает ей. Попользуется и выбросит.

Варя не верила собственным ушам. Бежать, немедленно бежать из этого дому! Неужели этот добропорядочный с виду пан способен так обращаться с собственными жёнами? А ведь по нему не скажешь. Обходительный, галантный, безупречный джентльмен, о которых она читала в английских романах. И вот на тебе — такое безобразие! А может, на него напраслину возводят? Ведь даже великого Александра Сергеевича Пушкина, солнце русской поэзии, погубили именно злые языки. Может, тут женские козни: кто-то не хочет видеть Дануту его женой и хочет таким образом от неё избавиться? Или же это домыслы

чьего-то больного воображения? Не зря тётя Дуся всё время приговаривала: сами того не видели, но думаем...

Она снова перекрестилась. Нет, она передавать подобное не будет. Даже если это и правда, никогда Данута от неё ничего не узнает. Пусть, если пожелают, рассказывают ей другие, а она, Варя, будет молчать. И лучше самой не верить в эти ужасы. И вообще правильнее для неё забыть об этом.

Малгожата давно присматривалась к Варе. Как же её можно удалить? Подбросить ей какую-нибудь вещь пани Дануты, а потом обвинить в воровстве? Но та была очень привязана к своей горничной, они частенько вдвоём уединялись и разговаривали о чём-то своём. Пожалуй, не так-то просто будет убедить новую госпожу, что её любимая служанка — воровка. Она может её простить. Нет, тут нужна тяжёлая артиллерия.

— Мама, поговори с паном Анджеем, пусть он выгонит эту девку, — говорила Малгоша, зная, что её мать пользуется неограниченным доверием господина. — Это можно сделать тайно, чтоб Данута о том не узнала, а когда спохватится — её уж и след простыл, укатила она из Польши.

— Малгоша, доченька, пан не будет заниматься прислугой. Для этого есть я. Он мне

деньги за то платит, чтоб я следила за порядком среди слуг. Но пока мы не можем трогать эту Варю — хозяйка её очень любит и будет бороться за неё до конца. Потерпи, дитя моё, придёт время и мы нанесём ей удар, которого она не ожидает.

Ну уж нет, ждать Малгоша не намеревалась. Надо девку убрать, пока она не вошла в доверие, пока к ней не привыкли, пока она здесь чужая — с ней легко расстанутся и на следующий день забудут о её существовании. Время идёт, богатые женихи, того и гляди, на Варьку позарятся, а ведь есть она, Малгожата, которая их ждёт — не дождётся. Все её помыслы сейчас были об обеспеченных мужчинах, а когда кто-либо из них посещал их дом, она уже мысленно примеряла его к себе — даже если он был женат. Это обстоятельство не пугало её — лишь бы деньги давал. Конечно, хотелось свеженького, холостого, но это уж как получится. Во всяком случае, она перебирать не будет. Кто обратит на неё внимание, тому она себя и подарит. Ой, нет, что это за слова, продаст, конечно же, и подороже. На кону её будущее, её жизнь — и она не должна продешевить. Иначе ей придётся, как матери, словно пёс легавый, бегать по этажам панского поместья и покрикивать на слуг, заставляя их работать проворнее и усерднее. И это если посчастливится, а если нет — придётся самой работать проворно и усердно под окриками

управляющего.

Однажды пани Ванда пришла домой раньше времени с дикой головной болью. Малгожата помогла ей лечь, положила мокрую тряпку на лоб, наказала младшей Зосе сидеть возле матери с тазиком воды и периодически смачивать ткань холодной водой и накладывать на лоб. Она закрыла занавески на окнах и прошептала:

— Пусть мама поспит, а ты не отходи от неё, вдруг ей что-нибудь понадобится. А я пойду узнаю, может, вместо мамы что-то надо сделать в барском доме.

Сама же она вышла в другую комнату и прощупала карманы матери. Есть! То, что ей надо — связка ключей от всех помещений в усадьбе. Её интересовал лишь один из них — от кабинета пана Анджея. Вообще-то он всегда держал его закрытым, а ключ носил с собой, но оказалось, у пани Ванды есть запасной ключ — на случай потери главного ключа.

Она осторожно, без приключений проникла в кабинет, никто её не заметил. Зайдя в помещение, она опасливо осмотрелась. Массивная мебель, большая библиотека, бумаги на столе... Она подошла к письменному столу и попробовала открыть его многочисленные ящички. Но они были заперты. Малгожата посмотрела разложенные бумаги — ничего интересного она там не нашла.

Она крутила головой во все стороны. Надо было найти что-нибудь такое, что можно было бы взять и подкинуть Вару. Уж пан-то Анджей точно никогда не простит ей кражи и вышвырнет её из дому в тот же день. Но что можно взять? На столе стояли письменные приборы, курительная трубка — скорее всего, просто чей-то подарок, потому что пан Анджей курильщиком не был. Что же можно здесь прихватить? Что-нибудь такое, на что может польститься деревенская девка. Как назло, всё вокруг было мужское, что вряд ли могло бы заинтересовать потенциальную грабительницу. Ну хотя бы какой-нибудь золотой портсигар или золотая зажигалка. Ничего подобного не попадалось ей на глаза. Малгоша осторожно прошлась по кабинету, заглянула в разные потаённые, как ей показалось, места, но ничего интересного она так и не нашла. И вдруг в книжном шкафу за рядами книг она обнаружила ещё один ключ. Сравнив его с тем, которым она открыла замок, она поняла, что это ещё один запасной ключ от этой двери. Вот его-то она и возьмёт с собою, сделает с него дубликат, чтоб воспользоваться им в отсутствие пана. Теперь Малгоша поняла, что надо сделать иначе. Она не будет подкидывать вещи Собчака Вару. Она подкинет вещи Вари в этот кабинет — это будет свидетельством того, что приезжая девка тайно проникает в его кабинет и

шарит в его бумагах: переписке и документах. Может, она заслана тайной полицией или врагами графа Собчака? Тут даже пани Данута не поможет и не спасёт свою горничную.

Когда Анджей Собчак вернулся из очередной поездки, Данута сдержанно спросила его:

— Где был, милый?

— Я навещался в наши поместья. У моих предков были ещё усадьбы в разных концах Польши. Но теперь они находятся в Австро-Венгрии ¹⁰. Можешь себе представить, дорогая, что наш великий город Краков отдан австриякам. Как мы, поляки, могли это допустить? Ведь там находится Вавель — символ польской нации!

Краков, лежащий на левом берегу Вислы, в прежние времена был столицей Польши и резиденцией её властителей с первой половины 11-го века (в 1000-м году здесь возникло епископство) и до начала 17-го века. После большого пожара 1595 года король Сигизмунд III решил оставить Краков и переехал в Варшаву, но сохранил город местом коронации. До 18-го века

¹⁰ Австро-Венгерская империя (1867–1918), в то время второе по величине государство Европы.

там проходили коронации королевских особ.

На возвышении высотой около 750 футов¹¹ над уровнем моря расположился Вавель — комплекс архитектурных и исторических памятников. Здесь был Королевский замок, Кафедральный собор святых Станислава и Вацлава¹², королевская усыпальница, где покоились члены королевской семьи, а также епископы, герои и поэты. Здесь нашли последний приют королева Ядвига, Стефан Баторий, Август Сильный, Адам Мицкевич, Юзеф Понятовский и многие другие исторические личности, оставившие след в польской истории¹³.

В 1655–1657 годах во времена «шведского потопа» Вавель был разграблен, а в 1702 году во время Северной войны он был сожжён шведами. Когда Австро-Венгерская империя захватила польские земли, то в Вавеле, главном символе

¹¹ 228 метров.

¹² Епископом Вавельской кафедры был известный ныне Папа Иоанн Павел II.

¹³ Здесь же погребены президент Польши Лех Качинский и его супруга Мария, погибшие в авиакатастрофе 10 апреля 2010 года под Смоленском.

польского народа и каждого поляка, была устроена казарма.

— Мы дождёмся, что они в нашем Вавеле сделают конюшню! Нет, с этим надо что-то делать!

Данута рассеянно слушала супруга. Менее всего её сейчас интересовала судьба символа польской нации.

— Почему я всегда одна? Почему тебя никогда нет, когда ты мне нужен?

Пан Анджей удивился. Ещё никто никогда так не встречал его по возвращении домой. Жене не годится так разговаривать с мужем.

— Ты дурно воспитана. Ты не можешь высказывать претензий своему мужу. Я должен обеспечивать семью, чтоб ты ни в чём не нуждалась. Поэтому не надо меня упрекать в том, что я занимаюсь делами нашей семьи. Иначе я буду вынужден наказать тебя за то, что ты повышаешь голос на мужа.

Он взял её за локоть и развернул к себе. Он хотел посмотреть ей в глаза, но она вырвалась.

— Я не хочу сидеть одна целые дни напролёт! Мне даже не с кем словом перемолвиться.

У пана Анджея брови взлетели вверх.

— А как же твоя любимая Варя? Мы привезли её сюда по твоей просьбе, ты хотела её взять с собой, и я согласился. Разве она тебе уже не подходит?

— Есть вещи, которые можно обсуждать только с мужем, а не с подругой, даже самой любимой.

— То есть? Что ты хочешь мне сказать?

— В таком тоне я разговаривать не намерена.

Данута развернулась и хотела выйти из гостиной, но Анджей крепко взял её в объятия. Он прижал её к себе, дождавшись, пока она успокоится, а потом нашёл её губы своими губами...

После примирения Анджей снова спросил:

— Так чтостряслось? О чём ты так нетерпеливо хотела со мной поговорить?

— Ничего нестряслось. Просто у нас будет ребёнок.

Казимир Полонский, приятель Анджея Собчака, был любителем замужних дам. Идти под венец в ближайшем и отдалённом будущем он не имел намерений, это была ответственность, которую он брать на себя не собирался, а вот амурные похождения любил. Казимир был искателем грешной любви — он добивался лишь замужних дам. В этом случае даже если случатся последствия — супружеская жизнь избранницы всё покроет. А если роман выплывет наружу и муж узнает, что он рогат, то скандал не выгоден никому, даже самому обманутому благоверному. Именно по

этим причинам Казимир совращал чужих жён, никого и ничего не боясь. Говорили, что нет такой женщины, что могла бы устоять перед напором и обаянием Казимира Полонского. И будто бы любовником он был великолепным, и будто бы дамы, вкусив греха с Казимиром, навсегда разочаровывались в своих мужьях. И что чуть ли не все замужние дамы из знатных семей Варшавы побывали в объятиях Полонского.

Дануту он присмотрел себе ещё на первом её балу, когда супруг представил её варшавскому обществу. Её милое смущение, её нездешняя красота, её юное тело сразу привлекли внимание ловеласа. Он не сводил очей с неё, даже когда танцевал с другими и очаровывал их для продолжения романа.

И вот он на пороге их дома. Он ждал, что она будет появляться в свете, однако Данута в отсутствие мужа никуда не выходила. То, что Собчак находился в постоянном отсутствии, было на руку ловцу женских прелестей. Они не только приятельствовали, но и оба занимались тем, что соблазняли панянок, зачастую даже ходили по одним и тем же адресам. Оба были в курсе дел друг друга, и потому Казимир рассудил, что пока Анджей сейчас где-то кого-то искушает, он, Казимир, в это время займётся его женой. Что ж ей даром-то в одиночестве сидеть, красоте её

пропадать, когда он, Казимир, может её утешить и приласкать.

Первый раз он посетил Дануту, когда Анджей только-только уехал. Она приняла его, не совсем зная, кто он таков, но по правилам приличия решила принять гостя, чтобы начинать осваиваться в новом краю, обзаводиться знакомствами и вести светскую жизнь. Полонский приложил все усилия, всё своё обаяние, он активно флиртовал с нею, но ничего не вышло. Данута была печальна, думала о своём, потом извинилась и покинула гостиную. Теперь у опытного волокиты разыграл охотничий инстинкт: он должен её покорить! Такого ещё не бывало в его обширном донжуанском прошлом, чтобы какая-нибудь дамочка не клюнула на его ухаживания.

Он снова прибыл в имение Собчаков, но не рассчитал — оказалось, что Анджей уже вернулся из поездки. Ну что ж, решил Казимир, проведая старого друга.

Они выпили по рюмашке, поговорили о ценах этого года на зерно, обсудили последние светские новости. Наступила тягостная пауза. Говорить было больше не о чем.

— Жена у тебя красивая, — сказал Казимир. — Почему она к нам не выходит?

— Ты это брось, — с подозрением ответил Анджей. — Нечего на мою жену заглядываться.